

Российский институт стратегических исследований

М. Б. Смолин

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ:
ЦЕРКОВНО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД**

Москва 2011

Российский институт стратегических исследований

М. Б. Смолин

**Взаимоотношения государства и Церкви:
церковно-правовой взгляд**

Москва
2011

УДК 2:322
ББК 86:66.0
С 51

- С 51 **Смолин М. Б.**
Взаимоотношения государства и Церкви: церковно-правовой
взгляд / М. Б. Смолин, канд. ист. наук ; Рос. ин-т стратег. исслед. –
М. : РИСИ, 2011. – 28 с.
ISBN 978-5-7893-0140-1

Произошедшая в XX столетии атеизация советского государства не положила непреодолимой преграды в России в отношениях между церковным и государственным институтами. Формально юридическое отделение Церкви от государства никогда не отделяло Православия от русской истории, от веками сложившегося психологического и нравственного стереотипа национального поведения.

Современное тяжёлое положение российского общества, во многом потерявшего нравственные и мировоззренческие ориентиры, ригористки требует восстановления исторических взаимоотношений двух важнейших институтов нашего национального мира.

УДК 2:322
ББК 86:66.0

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ: ЦЕРКОВНО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД

И будут цари кормители твои [Церкви].
Ис. 49:23

Мирская власть и священство относятся между собою, как тело и душа, необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства.

Эпанагога (вторая половина IX в.)

Народ, который не верит, должен служить другим.

Алексис Токвиль

Естественно ли разделение Церкви и государства. Нет ничего более содействующего расцвету государственной жизни, как уверенность нации, что она ходит по путям Истины. Эта уверенность порождает народную энергию и последовательность в достижении успеха в своих земных предприятиях. "Человек с двоящимися мыслями нетвёрд во всех путях своих"¹, убежденность же в знании истины помогает преодолеть сомнения и нерешительность, пагубно отражающихся на государственной жизни.

Глубоко правильно писал библиеист рубежа XIX–XX столетий, "что государство только тогда может процветать и развиваться, когда его граждане отличаются энергией, бодростью и настойчивостью в достижении своих целей – качествами, доставляемыми только верой"².

Вера в Истину повелительно потребует построить всю свою жизнь – личную, общественную и государственную – соответственно с основами той веры, которую искренне исповедует нация, ибо "истина обращается к тем, которые упражняются в ней"³, а не отводят ей лишь место, дозволенное современностью.

¹ Иак. 1:8.

² Сапожников А. А. Что есть истина? СПб., 1896. С. 6.

³ Сир. 27:9.

Православная Церковь существует сегодня в России в политических и нравственных реалиях либерального дискурса. Последний по отношению к церковному мировоззрению имеет стойкую вековую антипатию, засвидетельствованную многочисленными гонениями христианского духа, то ли под ликом либерального свободомыслия, как кислота способная медленно, но верно разъесть моральные и идейные устои традиционного общества, то ли под видом социалистического или коммунистического прямого разрушения, способного взрывать русское государство изнутри, подвергать его подданных междуусобной гражданской войне и многолетней духовной разрухе.

Сама жизнь показывает, что состояние настоящего современного общества нельзя назвать устойчивым ни в нравственном, ни в мировоззренческом смысле. Русское общество за последние два десятка лет – времени перестройки, реформ, шоковой терапии, нашествия всевозможных псевдорелигиозных сект Запада и Востока, культурной экспансии западной геомасскультуры – перенесло сильнейший духовный стресс, ставший последствием поражения советской государственности в "холодной войне".

Беда, как известно, не приходит одна. Потому и выход из-под советских идейных развалин не закончил наших мытарств, а подверг ещё большим испытаниям. С величайшим трудом начиная выходить из псевдозащитного охранения идеологических советских догм, постсоветский русский человек попал под мощнейшее влияние современного западного тотального мирового порядка. Ещё не успев отойти от советского эксперимента, у ещё неокончательно зарытой могилы коммунизма "восприемниками" многих постсоветских граждан явились западные победители в "холодной войне", и потащили этих неспособных к сопротивлению неопитов в свои "чертоги" разнообразной мистики и развлечений.

Партийная советская идеологическая машина так бережно следила, чтобы народ не имел никаких идей, кроме коммунистических, так старалась, чтобы население было "белым листом бумаги", на котором борцы идейного фронта смогли бы пропечатать самые общие коммунистические установки, что после падения коммунизма постсоветские люди в своём подавляющем большинстве оказались почти абсолютно неспособными к сопротивлению новой

идейной экспансии. Люди, только вышедшие из разрушившегося советского прошлого, сразу попали в жёсткое либерально-демократическое настоящее, о злых духах и "светлых" идеях которого не подозревали ровно ничего.

И если бы не проповедь Церкви в этой новой религиозно-политической реальности нашего мира, если бы не выставленная Православием мировоззренческая альтернатива этому "новому господству" в нашем обществе, то русская цивилизация не имела бы ни одного шанса выдержать новый "натиск на Восток".

К сожалению, сегодня осознанию этой роли православного мировоззрения мешает довольно сильное распространение в светской среде, да и даже в некоторой части собственно церковной общины, суждение о том, что Православной Церкви безразлична или, по меньшей мере, не важна форма власти в государстве, в котором она несёт своё служение. Эту позицию можно охарактеризовать как *икономную*⁴ в отношении влияния Церкви в мире, позицию, суживающую церковную роль в современном посткоммунистическом русском обществе. Отчасти такое мнение корнями уходит ещё в советское секуляризованное сознание, отчасти питается новыми и одновременно уже старыми либеральными идеями "о свободной Церкви в свободном государстве" (идее, на которой остановились европейские государства после Реформации и многолетних религиозных войн)...

Вообще, наивно думать, что Церковь и государство могут полюбовно "развестись", отделиться друг от друга юридически и духовно, но оставаясь физически друг в друге. Абсурдность республиканско-либерального принципа отделения Церкви от государства с девизом "свободная Церковь в свободном государстве", очень хорошо была вскрыта ещё знаменитым богословом-канонистом, епископом Иоанном (Соколовым) (1818–1869). "По законам природы, – рассуждал Владыка, – свободная сила не может безусловно существовать в другой свободной силе: между ними должна быть или связь, следовательно взаимодействие и поэтому одна сила будет сдерживать, ограничивать так или иначе другую; или будет между ними

⁴ Икономия – христианский метод решения задач с позиции снисхождения и практической пользы.

борьба и одна сила будет стремиться подавить другую, чтобы быть вполне и действительно свободною"⁵.

Более прямолинейно дилемму отношений Церкви и государства должно сформулировать как – либо связь, либо борьба. Путь религиозного индифферентизма, на первый взгляд вроде бы являющийся со стороны государства третьим путём в этой коллизии, с исторической точки зрения есть лишь периодически затухающая борьба против Церкви уставшего и временно ослабевшего секуляризованного светского сознания, которая непременно разгорается всякий раз после подобного перерыва. Таким образом, религиозный индифферентизм является не наиболее толерантным для Церкви светским принципом, а лишь наиболее расчётливым и умным противником. Безразличие индифферентизма к религии, как тонко подметил профессор И. С. Бердников, есть "безразличие тенденциозное", которое выражается следующим принципом – "не должно быть религии ни в гражданских, ни в политических отношениях"⁶.

Это рассуждение знаменитого русского канониста, Ильи Степановича Бердникова (1839–1915), ещё раз подтверждает, что нет союза между Светом и Тьмой, и если когда-либо кажется, что борьба антицерковности с церковностью ослабевает, то это лишь значит, что либо *церковная* сторона сильна, либо – *антицерковная* накапливает силы для продолжения борьбы. Стремление к воцерковлению (приведение законов государства к соответствию церковным канонам) государственности, стремление к духовному союзу с государством, проповедь церковного учения о христианском государстве – в современном нам обществе есть такое же церковное миссионерство, как, например, выяснение и обличение неправомыслия еретических, раскольнических или сектантских религиозных учений.

Православной Церкви не безразлично, в каком государстве она служит Богу, находится ли она в гонении, в притеснении или в положении господствующей духовной силы. Да, проповедь Христа была всегда возможна, в том числе и в годы самых страшных гонений; да, кровь мучеников за веру создаёт новых христиан.

⁵ *Иоанн (Соколов), епископ. Церковь и государство // Христианское чтение. Часть первая. 1865. С. 512.*

⁶ *Бердников И. С. Новое государство в его отношении к религии. Казань, 1888. С. 68.*

Но не даёт ли нам церковная история примеров, когда поместные церкви (например, африканские) исчезли с лица земли без покровительства Православных Государей при нашествии мусульман. Разве после взятия Константинополя в 1453 г. и по сей день не ущемлена Константинопольская церковь, и всё более не сокращается её паства; а разве не то же самое испытали на себе и все восточные православные церкви? Да, врата адовы не одолеют Церкви, но разве господство этих Церквей при Византийских Василевсах можно сравнивать с униженным выживанием при турецких султанах, а сегодня при сирийских социалистах или иудейских фундаменталистах. Безразличие к тому, что происходит вне церковных стен, не соответствует принципу воинствующей со злом Церкви.

Небезразличное отношение к государству видно в актах VII Вселенского Собора по восшествии на престол православного Императора Константина с матерью его Ириною после царствований иконоборческих императоров. В этих актах видна радость Церкви, в них мы читаем следующее: "Священник есть освящение и укрепление императорской власти, а императорская власть есть сила и поддержка священства... Священство хранит и заботится о небесном, а императорская власть посредством справедливых законов управляет земным. Теперь преграда пала, и желаемая связь восстановлена"⁷.

Речь идёт о радости Церкви по поводу восстановления православной симфонии между Церковью и государством.

В связи с этим хочется вернуться к работе профессора И. С. Бердникова, уже цитировавшейся выше, в которой он пишет: "Человек не может двойиться в своём мировоззрении, в своих принципах, как предполагает, по-видимому, новое [*построенное на либеральном принципе*. – Прим. авт.] государство. Он не может оставаться долгое время на распутии двух разнородных цивилизаций. Он не может в одно и то же время верить в Бога, в святое Евангелие, и признавать святость законов государственных, противоречащих закону Божию. Человеку трудно учиться вере после того, как он пройдёт школу, игнорирующую веру или прямо враждебную ей. Ему тяжелее должны казаться требования религии после того, как

⁷ Цит. по кн.: *Никодим (Милаш), епископ*. Православное церковное право. СПб., 1897. С. 683.

гражданское общежитие освободило от них его и себя. Вообще, не может человек служить в одно и то же время двум господам с одинаковым усердием. Теперь только ещё начало деятельности нового государства... Но не дай Бог, если возобладает в политической жизни народов демократическое направление. Тогда достаточно пройти двум, трём поколениям, воспитанным в началах новой безрелигиозной цивилизации, и новому государству, вероятно, не будет надобности маскироваться титулом христианского. Справедливо замечают даже поклонники нового государства, что религиозная терпимость, проистекающая из безразличия к делу религии, находится в близком родстве с преследованием, что индифферентизм есть самая опасная форма враждебности к религии"⁸.

Да, современное государство в большой степени индифферентно к Церкви, а значит близко к борьбе с ней. Но разве римское государство не было враждебно Церкви, разве оно не устраивало массовых гонений на христиан? Разве во времена гонений не было слов Тертуллиана – "мы уже и во дворцах ваших", т.е. что христианами становятся уже и государственные чиновники, и приближённые Императора? Разве потом не было и самого Святого равноапостольного Константина, водрузившего изображение Спасительного Креста на своём знамени (лабаруме)? Или сегодня церковная проповедь не может "во дворцах либерализма" найти себе приверженцев и приводить ко Христу первых лиц современного государства?

Государство, в отличие от Церкви, естественно есть временно-земное учреждение, но оно так же божественного установления. И власти церковные, как и государственные, имеют свою власть от Бога⁹.

Церковь может и должна поэтому всякий раз напоминать государству, в лице его представителей, что власть государственная имеет происхождение от Бога, а не от многомятежного

⁸ Бердников И. С. Новое государство в его отношении к религии. С. 69.

⁹ "Да увидят живущие, яко владеет Вышний царством человеческим, и ему же восхощет, даст е" (Дан. 4, 14; 5, 21); "Мною царие царствуют, и сильнии пишут правду; мною вельможи величаются, и властители держат землю" (Прит. Солом. 8, 15 и 16); "Слышите убо царие и разумейте, научитесь судии концев земли... яко дана есть от Господа держава вам и сила от Вышняго" (Прем. Солом. 6, 1 и 3).

человеческого хотения. Любой власти придётся отвечать перед Всемогущим, Милостивым, но и Справедливым Творцом, а не перед безгласными избирателями.

"Бог есть Творец, – писал знаменитый сербский канонист, епископ Никодим (Милаш) (1845–1915), – не только человека, но и общества. Он вложил в самую природу человека любовь к общественной жизни, вселил в человека стремление к общению с другими людьми. В сотворении жены, данной Богом человеку в качестве друга, мы видим первый акт в предначертаниях Божиих об обществе... Но эта первая семья не могла остаться ограниченной тесным кругом мужа и жены, и их непосредственных потомков, а естественно должна была расширяться за пределы семейства и постепенно составить большую общественную единицу". Человек должен был прославлять Бога, и общество должно было делать то же, но с падением человек стал прославлять самого себя. "Но Бог, по вечной Своей премудрости и безграничной благодати, не захотел оставить человека и общество в таком неопределённом положении, и, умилосердившись над своим созданием, обещал ему послать Искушителя, "когда наступит полнота времени"; а между тем вместо первобытного устройства, Он в первом же семействе установил власть мужа над женою и тем власть главы семьи над всеми остальными членами её. Этим тотчас же после падения человека и в самом начале общественной жизни в мире было положено основание верховной власти одного над другими, ограничено самоволие отдельных лиц волею верховной власти одного. От семьи власть человека переходит в господство над миром и владение им в силу положительной заповеди Божией, во имя власти Божией. Следовательно, первое семейство положило основание государству, сообщив ему те свойства. Которые оно само получило и имело"¹⁰.

Даже Сам Христос повиновался прокураторской власти Пилата, поставленного Римским Императором, когда говорил: "Не имаша власти ни единые на мне, аще не бы ти дана свыше", – тем самым указуя, что его власть так же от Бога, и, повинаясь власти Пилата, Христос повинуется власти Творца.

¹⁰ Никодим (Милаш), епископ. Православное церковное право. СПб., 1897. С. 667–668.

О том же говорят и Апостолы Павел¹¹ и Пётр¹².

Церковь не должна принципиально отказываться от влияния на государство, каким бы антихристианским оно не казалось. Ожидать гонений и радоваться их временному стиханию – не позиция воинствующей и миссионерствующей Церкви. Пока в мир не пришёл антихрист, который соединит в себе власть всех государств, до тех пор христианская власть в государстве возможна, и стремиться к христианизации государства нужно, одновременно не переставая повиноваться той государственной власти, которая есть¹³. Хотя бы потому, что Церковь никак не может избежать отношений с государством. "Но если уже, – пишет епископ Иоанн (Соколов), – неизбежно совместное существование двух царств от мира и не от мира, то наилучший вид соотношений между Церковью и государством есть тот, когда они единством веры и духа входят между собою в благонамеренный, общепользительный союз"¹⁴.

Ещё более неизбежен и необходим подобный союз государству, которое без духовного влияния Церкви остаётся лишь с одним возможным влиянием на своих граждан, а именно страхом физического наказания. Государству в его многочисленных земных заботах, если оно конечно желает искренне заботиться

¹¹ "Всяка душа властем предержажим да повинуется: несть бо власть, аще не от Бога; сущие же власти от Бога учинены суть. Тем же противляяйся власти, Божию повелению противляется; противляющийся же себе грех приемлют. Князи бо не суть боязнь добрым делом, но злым. Хощеши же ли не бояться власти? Благое твори, и имети будеши похвалу от него: Божий бо слуга есть, тебе во благое. Аще ли злое твориши, бойся: не бо всуе меч носит; Божий бо слуга есть, отмстити в гнев злое творящему. Темже потреба повиноваться не токмо за гнев, но и за совесть" (Рим. 13, 1–5).

¹² "Повинитесь убо всякому человеку начальству Господа ради: аще же царю. Яко преобладающе; аще ли же князем, яко от него посланным, во отмщение убо злодеем, похвалу же благотворцем: яко тако есть воля Божия" (1 Пет. 2, 13–15).

¹³ "Исходя из богоустановленной природы государства, Церковь не только предписывает своим чадам повиноваться государственной власти, независимо от убеждений и вероисповедания её носителей, но и молится за неё, "дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте" (1 Тим. 2, 2) (цит. по: *Цыпин В.* Церковное право. 2-е изд. М., 1996. С. 415). Ещё Тертуллиан писал: "Мы приносим жертву [Евхаристии] за императора Богу нашему и приносим так, как заповедал нам Бог: с чистою молитвою" (цит. по ст.: *Иоанн (Соколов), епископ.* Церковь и государство // Христианское Чтение. Часть первая. 1865. С. 524).

¹⁴ *Иоанн (Соколов), епископ.* Церковь и государство. С. 511.

о своих гражданах и о своих государственных интересах, никак не обойтись без воспитывающей нравственной силы Церкви, которая одна только и может преподавать подданным государства истинные понятия о христианских гражданских добродетелях.

"Государство, – пишет профессор И. С. Бердников, – всего менее может игнорировать именно религиозно-нравственные начала, которыми живёт народ. Каждое государство, независимо от сходства с другими по одинаковости жизненных целей и задач, ими покровительствуемых, имеет и свою особенную природу, зависящую от различного способа удовлетворения жизненных целей, от различного склада идей, которыми живёт народ, одним словом, от особой цивилизации народа. Известный склад цивилизации влияет необходимо и на характер учреждений, входящих в государственный организм, и характер самого государства. Главной же основой цивилизации всегда служила и служит религия народа. Религией главным образом определяется мирозерцание народа. Нравственные правила, ею преподаваемые, служат фундаментом правового порядка. Эти положения составляют истины общепринятые. Если так, то опять следует, что религия никак не может быть для государства делом посторонним и безразличным"¹⁵.

О религиозной терпимости и свободе совести. Проблема свободы совести решается совершенно различно в Православии и в современном секуляризованном обществе. В Православии совесть верующего человека не имеет свободы выбора содержания веры, человек в вопросах веры не является творцом, а лишь учеником. Адогматическое же современное сознание желает сделать человека господином и в этой сакральной области, последовательно проводя принцип антропоцентризма: человек – мера всех вещей, а значит, и религии. Это, по сути, есть отрицание метафизики, отрицание за религией, Богом самобытности. Поэтому для церковного сознания всегда было характерно критиковать такое понимание свободы совести.

"Если свобода совести, – писал епископ Иоанн (Соколов), – в том состоит, что религия должна основываться на собственных, личных убеждениях его ума и сердца, не стесняемых никакими внешними влияниями, что в отношениях человека к Богу,

¹⁵ *Бердников И. С. Новое государство в его отношении к религии. С. 67–68.*

составляющих сущность религии, никакой внешний авторитет не может управлять человеком, а должно действовать его собственное сознание и чувство: то при этом сама религия может ли и должна ли заключать в себе положительное учение, определительные требования, действительный суд над человеком, и всё это обязательно ли для человека при свободе его чувств и убеждений, или нет? Если да, то человек, свободный в религии отвне, не будет свободен в ней самой: он должен быть ей послушен, ей предать свой разум, своё сердце и волю. В таком случае свобода *совести* не есть ли только преувеличение понятия, неправильное выражение, даже самообольщение и заблуждение? Если же нет, – если самое содержание религии не обязательно для человека, то не нужно ли признать, что человек может быть и полновластным в религии, быть не учеником и исполнителем её, а самоучителем и судьёю, то есть свободно может сам себе составлять учение религии, выбирать в ней себе угодные правила, отвергать не угодные, и сам будет определять свои отношения к Богу? А подумает ли он и узнает ли, и откуда узнает, как сам Бог относится к нему, – что может открыть человеку только религия, происходящая от самого Бога, и следовательно независимая от человека? Словом сказать, полная свобода человека в *содержании* религии равняется отрицанию её в совести, ведёт к уничтожению её в действительности"¹⁶.

И правда, не может ведь совесть, глас Божий, исходить из временных понятий цивилизаций, быть на столько "ручной", чтобы изменяться вослед за ежеминутными веяниями "духа времени". Поэтому за пониманием оснований истинной свободы совести необходимо обращаться к самой религии.

Такой подход совершенно противоречит Православной вере. "Христианство, – пишет профессор И. С. Бердников, – есть религия всеобъемлющая и оживотворяющая все стороны жизни. Христианин не может двоиться в правилах своей жизни, не может быть христианином только в частной жизни, а в жизни общественной держаться воззрений и правил осуждаемых и запрещаемых христианством. Государство, состоящее из граждан, исповедующих

¹⁶ Иоанн (Соколов), епископ. О свободе совести. Религиозные основания и исторические начала этой свободы // Христианское чтение. Часть третья. 1864. Сентябрь. С. 40–41.

в громадном большинстве христианскую православную веру, необходимо должно иметь и законы, согласные с духом христианского нравственного и социального учения"¹⁷.

Примат свободы совести объявляет все религии равными и равно свободными. Свобода совести признаёт в религиозных вопросах высшим судьёй убеждения каждой в отдельности личности. Личность, а не богооткровенная религия, становится авторитетом в вопросах веры. Идея свободы совести говорит, что религия есть частное дело каждого и что потому именно и необходимо отделение Церкви от государства.

Свобода совести в либеральном духе противоречит Церкви именно тем, что предлагает наделить единичную личность свободой в религиозном мире, в мире, где есть только религиозные общины, а не отдельные личности. Верующий человек в мире религии живёт не один на один с нею, а в обществе, в союзе верующих людей, в Церкви, а потому, становясь членом Церкви, он принимает на себя обязательства, дисциплину и учение общества, которое ему преподаётся как живая традиция, которой нужно следовать, а не которую нужно ещё сотворить.

"Что такое Церковь? – вопрошает епископ Иоанн (Соколов) и сам же отвечает, – Не *собрание* только верующих во Христа, а *общество* христиан, соединённых собою единством веры и духа, которое утверждено в точном, определительном исповедании Божественного учения. Не трудно понять, что тут не может быть места независимой свободе мнений или совести. Может ли какое бы то ни было общество держаться там, где входящие в него люди не обязываются, или не считают себя обязанными следовать общим правилам, а каждый из них может иметь для себя свои правила? И это – в пределах не частных, касающихся *своих* дел каждого, а именно в основных идеях общества, составляющих положительные цели его? А какие цели Церкви? Сохранение в мире веры Христовой, распространение Евангелия, утверждение на земле благодатного царства Христова – и в нём освящение и высшее духовно-нравственное совершенствование людей"¹⁸.

¹⁷ Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Изд. 2-е. Казань, 1913. Т. 2. С. 1290–1291.

¹⁸ Иоанн (Соколов), епископ. О свободе совести. Религиозные основания и исторические начала этой свободы. С. 58.

Отсюда, из цели проповедования Православной веры всем народам во спасение, и формируется отношение к другим вероисповеданиям на основе не свободы совести, не индифферентного равного уважения всех, а деятельной духовной борьбы с неправосмыслием других религиозных систем, сопряжённой хотя и с терпимостью к ним, но отрицанием за ними всяческой благодатности и спасительности, а значит, признанием духовной вредности.

Так, например, говоря об апостольских постановлениях, Владыка Иоанн (Соколов) подчёркивает: "Особенного внимания здесь требуют правила против религиозного общения христиан с иудеями, еретиками и язычниками. Какая мысль этих правил? Какой дух? Какая цель? В основе их не надобно видеть нетерпимости, которую можно было бы объяснить только духом времени; в целях правил нет мысли произвести совершенное разобщение между людьми разноверными, мысли, которая происходила бы от религиозной суровости или от недостатка широты в любви христианской; также совсем нет в этих правилах и духа рабства, т.е. нравственного порабощения человеческой воли игом внешнего закона, противовольно налагаемому на христианина из презрения к человеческой природе или ненависти к свободе. Основания и цели указанных правил – совсем другие, высшие: мы означим их одним общим названием – церковные. Нужно было утвердить новооснованную Христом Церковь, дать ей прочные опоры, раскрыть и укрепить её дух, оградить её от всякого вредного влияния со вне, дать верный, твёрдый ход её жизни к назначенным для неё свыше целям. В таких видах, кроме того, что нужно было определить, так сказать, каждый шаг юного общества христиан, определить верно и точно на пути духовного его развития, надобно было ещё оградить в жизни их основания самого общества или точнее – общественности, так, чтобы это было бы действительно тело Христово и верующие были действительно живыми членами этого тела: ибо духовное преспеяние христиан и целого христианства в мире не иначе должно было и могло развиваться, по мысли самого Божественного Основателя веры, как в образе и составе Церкви, то есть именно духовного общества христиан, а не под видом отдельного воспитания в вере каждого христианина и всех – врознь. Что же для этой цели было нужно? Упрочить самыми крепкими связями единство веры и духа между

христианами: иначе Церковь не могла бы долго существовать в мире и назначение христианства не могло бы быть выполнено"¹⁹.

Права Православия и охранение их государством. Но перейдём к теме отстаивания православным государством прав Церкви, которая издавна для сохранения своего мира, благоустройства и благочиния просила помощи у государства, когда собственно духовные меры у Церкви не достигали результата. Об этой охранительной помощи государства говорят многие церковные правила (Карфагенский собор – правила 59, 69, 74, 78, 86; Антиохийский собор – правило 5; Двукратный собор – правило 9).

"Известно, – писал профессор Т. В. Барсов, – что по объявлении христианства господствующим вероисповеданием в Империи, государственная власть, в видах большого торжества христианской веры и большего успеха благотворного её влияния на общество, предоставила Церкви и в частности её служителям разные преимущества и привилегии в гражданском и общественном отношении. От участия во всех этих преимуществах и привилегиях были совершенно удалены и исключены иноверцы и еретики, как приверженцы и распространители противного вере нечестия. Преимущества (постановил ещё закон императора Константина), данные из уважения к религии, должны быть распространены только на читателей православного закона. Что же касается еретиков и раскольников, то хотим, чтобы они не только были чужды этих преимуществ, но и несли различные повинности"²⁰.

Права Православной Церкви в обществе, которые требуют охранения государственной власти, очень мудро сформулировал епископ Иоанн (Соколов). "Священные права Церкви православной, первенствующей в обществе, – пишет этот знаменитый русский канонист, – требуют: *первое*, чтобы иноверные религии не имели права распространения между православными в обществе, где эта Церковь должна господствовать, и где следовательно это право для неё одной должно быть сохранено (Карф. 104, 105, 112); *второе*, чтобы иноверцы своими открытыми обрядами не производили соблазна и вреда для сынов Церкви, особенно, чтобы

¹⁹ Иоанн (Соколов), епископ. О свободе совести. Религиозные основания и исторические начала этой свободы. С. 119–120.

²⁰ Барсов Т. Об участии государственной власти в деле охранения древней вселенской церкви и её веры // Христианское чтение. Часть первая. 1877. С. 818.

своим вмешательством или насилием не делали никакого замешательства в Православной Церкви, в её собраниях, обрядах, управлении (Лаодик. 6. Тим. 9. Ап. 75. II Всел. 6); *третье*, чтобы намеренно не препятствовали распространению православной веры в своих обществах и свободному обращению к ней желающих из своих членов; *четвёртое*, чтобы, не подлежа прямо внутренним законам Православной Церкви, касающимся только её членов, не нарушали внешних, к ней относящихся постановлений, как-то: относительно её мира, благочиния, прав гражданских (Карф. 104); наконец, *пятое*, чтобы со стороны государства употреблены были надлежащие меры к предупреждению и пресечению всяких совращений в иноверие от веры православной (Карф. 69, 71, 95, 104, 120)²¹.

Теперь посмотрим, каково было отношение Православной Церкви и государства к неправославным в областях личной и общественной жизни. Для этого попытаемся выяснить, есть ли в Священном Писании какое-либо указание на отношение правоверных к иноверцам и иноземцам, и как этому соответствовала история православных государств.

Святитель Иоанн Златоуст не ложно утверждал: "Пророчества [ветхозаветные. – Прим. авт.] имеют, между прочим, и такое свойство, что многое, сказанное об них (иудеях), исполняется и на других". Такое применение пророчеств основывается на словах Соломона: "Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, – и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чём говорят: "смотри, вот это новое"; но *это* было уже в веках, бывших прежде нас... Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, – и Бог воззовет прошедшее"²², и словах Апостола Павла: "Всё происходило с ними [с древними израильянами], как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков"²³.

Священное Писание, говоря о пришельцах (т.е. иноземцах) говорит: "Для вас, общество Господне, и для пришельца, живущего у вас, устав один, устав вечный в роды ваши; что вы, то и пришелец да будет пред Господом"²⁴. "Но, – А. А. Сапожников, толкуя это

²¹ Иоанн (Соколов), епископ. Церковь и государство. С. 536–537.

²² Екклез. I, 9, 10; III, 15.

²³ I Кор. X, 11, 6–10; Римл. XV, 4.

²⁴ Числ. XV, 14–15.

библейское место, говорит, – уравнивая пришельцев с коренными жителями относительно прав, Священное Писание уравнивает их и относительно обязанностей, гражданских и религиозных. Другими словами – пришельцы должны были принимать и исповедовать религию коренных жителей²⁵.

Священное Писание говорит и о том, что пришельцы должны наравне с коренными жителями отмечать все праздники, Пасху и другие²⁶, слушать и научиться Закону Божию²⁷. Эти постановления ясно говорят, что допускать переселение в Православную Россию можно только православных или обязавшихся принять православие иностранцев, и только при таком условии не должно быть никакого изъятия в их правах.

В противном случае иноверные группы, принимаемые в православный организм Империи, так и останутся обособленными и инородными телами, зачастую вступающими в союзы с различными внешними врагами Отечества. Из истории Византийской Империи можно привести в качестве примеров ариан готы, поселённых в Империи, сохранявших свою враждебную обособленность и поднимавших восстания, и колонии католиков генуэзцев в Константинополе, которые приложили свою предательскую руку к падению столицы Царства греков.

Возвышение пришельцев Священное Писание считает верным признаком несоблюдения Божиих повелений и говорит: "Пришелец, который среди тебя, будет возвышаться над тобою выше и выше, а ты опускаться будешь ниже и ниже. Он будет главою, а ты будешь хвостом. Пошлёт на тебя Господь народ наглый, который не уважит старца и не пощадит юноши; и будет теснить тебя во всех жилищах твоих, во всей земле твоей"²⁸.

Именно поэтому права гражданства давались очень осторожно и с разумением. Есть в Священном Писании и такое повеление: "Не гнушайся Идумеянином, ибо он брат твой, не гнушайся Египтянином, ибо ты был пришельцем в земле его; дети,

²⁵ Сапожников А. А. Иноверцы и иноземцы в России (Их права и отношение к коренным жителям). СПб., 1898. С. 3.

²⁶ Втор. XVI, 11–17; Числ. IX, 14.

²⁷ Втор. XXXI, 12; Нав. VIII, 33–35.

²⁸ Втор. XXVIII, 43–52, 63.

которые у них рождаются, в третьем поколении могут войти в общество Господне"²⁹. То есть, как нам кажется, это место в Священном Писании говорит, что есть народы, способные воспринимать истинную веру под воздействием совместной жизни с православными, т.е. религиозно ассимилироваться, однако Слово Божие говорит, что есть народы, у которых "и десятое поколение их не может войти в общество Господне во веки"³⁰. Что же это за народы? Вероятно, узнать о них можно только исходя из истории самой Империи, в которой одни народы легко перенимали Православие (как, например, финские народы), а другие были глухи к Нему.

Какие же отношения государства и Церкви назвать церковно-благоприятными, заслуживающими названия покровительственных?

Определение отношений Церкви и государства – компетенция последнего. Именно оно в многочисленных церковно-государственных делах: в вопросах открытия новых церковно-административных и церковно-судебных учреждений, в основании новых церковных округов, епископских кафедр, оснований новых монастырей, приходов брачных дел, вопросах регистрации рождений и смерти, в утверждении государственного значения за церковными праздниками и поддержании особого благочестивого порядка их празднования, преподавания Закона Божия в школах и богословия в высших учебных заведениях и т.д. показывает своё отношение к Церкви.

История православных Империй явственно говорит о том, что государство было заинтересованно в поддержании господства Церкви и Православной веры в своих подданных и ригористки боролось с еретиками и сектами доступными ему властными методами и репрессалиями.

Так, о поддержании государственного значения Православия в византийском обществе профессор И. С. Бердников пишет: "Исповедание христианской веры было непременно обязанностью всякого гражданина в Византийской Империи. Отсюда естественно, что отступление от христианства в язычество, еврейство или другую секту должно было влечь за собой ограничение или же

²⁹ Втор. XXIII, 7, 8.

³⁰ Втор. XXVIII, 3, 4.

потерю гражданского состояния. По законам Феодосия Великого и Валентиниана III, отступники от христианской веры наказывались инфамией, лишались всех прав гражданского состояния, в том числе и права распоряжения своим имуществом и права получения имущества по завещанию других. А император Юстиниан угрожал отступникам смертною казнию.

Граждане Византийской Империи обязательно принадлежали к государственной христианской вере, должны были и исповедовать её согласно православному учению, утверждённому на вселенских соборах и признанному со стороны государства. Всякое отступление от признанного Церковью и государством образца православной веры было не только нарушением правил веры, но и государственным преступлением, потому что оскорбляло Бога, покровителя государства, и было знаком непочтения к Императору, исповеднику Православия. Отсюда, как необходимое следствие, репрессивные меры против еретиков и раскольников: 1) денежная пеня за поставление клириков для еретических обществ; 2) удаление из столиц или и из других городов еретических епископов и клириков, вообще учителей и распространителей ереси; 3) ссылка для ересеначальников и главных их сообщников; 4) лишение права почётной государственной службы для всех еретиков и раскольников; 5) лишение прав имущественных – конфискация в казну имущества еретиков и раскольников после их смерти, а иногда и при их жизни; 6) угроза смертною казнию тем еретикам, на которых не действовали исправительные меры и которые не подчинялись постановлениям против них законам³¹.

К некоторым особенно нетерпимым еретикам, как павликиане, богомилы или манихеи, применялись более строгие меры. Так, например, манихеи лишались всех гражданских прав: на распоряжение своей собственностью, продавать и покупать, заключать договоры, свидетельствовать в суде и даже изгонялись из пределов Империи.

Византийское государство глубоко почитало Православные праздники и содействовало их благочестивому проведению. Так, законы повелевали прекращать общественные и частные работы (с изъятием из правила только земледельцев), производство суда и

³¹ Бердников И. С. Краткий курс церковного права. С. 769–770.

приведение в исполнение приговоров, запрещались театральные и иные общественные развлекательные зрелища.

Церковное имущество, хотя и не освобождалось от государственных налогов, но было освобождено от муниципальных повинностей. Одновременно само духовенство освобождалось от всех личных натуральных повинностей, а платило лишь налоги с имущества, как и остальные граждане Империи.

"Византийский император имел постоянные сношения с органами церковного управления. У константинопольского патриарха для этих сношений с императорским двором было особое должностное лицо – референдарий, который передавал императору то, что ему поручал патриарх. Прочие патриархи имели в столице постоянных доверенных лиц, называвшихся апокрисиариями, для представления императору различных просьб о нуждах церквей, находящихся под ведением патриарха"³².

У епископов были широкие полномочия в контроле за государственными чиновниками. Так, епископы имели право и обязанность посещать еженедельно тюрьмы, наблюдать за правильностью порядка заключения и решения без замедления дел заключённых; имели право защиты всех угнетаемых, через своих особых чиновников – дефенсоров, которые могли отстаивать права таких лиц в суде; имели право разбирательства гражданских тяжб как третейские судьи, и их приговор не мог быть обжалован; имели право принимать жалобы на государственных чиновников и ходатайствовать об удовлетворении обид, вплоть до отправки просителя со своей грамотой к Императору; имели право участия в делах опеки и попечительства; имели обширные права в делах городского управления (участие в выборе городских должностей, наблюдение за исполнением своих обязанностей городскими чиновниками и т.д.).

В России церковно-государственные отношения развивались под сильным влиянием Византии, поскольку, приняв христианство, русское государство переняло и традиции церковно-государственные.

В Византии было своё учение о всемирном православном царстве, по которому у всех православных христиан есть одна церковь – Православная, и одно государство – Византийская Империя. До выделения Русской Православной Церкви в 1447 г.

³² Бердников И. С. Краткий курс церковного права. С. 775.

в автономную поместную Церковь, вследствие признания Византией Флорентийской унии, Русское государство и Русская Церковь в целом не противоречили этому византийскому пониманию Православного Царства. Принятие вместе с верою и византийского Номоканона говорит в пользу этого утверждения.

Влияние Византии особо заметно в период междукняжеских распрей, когда митрополиты из греков старались проводить византийское понимание единоличной власти, мирить князей, внушать им необходимость единства власти.

"Содействие духовенства московским князьям выражалось не одними увещаниями, обращёнными к тем, кто противодействовал стремлениям их, но и прещениями по отношению к ним, а иногда и благословением Московских князей на брань для достижения прочного мира и порядка. Московские князья так высоко ценили благорасположение митрополитов в их политике, что иногда прямо опирались на их содействие; например, великий князь Иоанн II при смерти поручил попечение о своём сыне и преемнике Димитрии святителю Алексию. И святитель Алексей действительно до конца своей жизни был постоянным советником великого князя Димитрия и его правой рукой. Вообще Московские митрополиты Пётр, Феогност, Алексей с другом своим преподобным Сергием и Иона стяжали себе славу незабвенных поборников утверждения единодержавия в России"³³.

Учением о Божественном происхождении власти Государей был "положен краеугольный камень государственному строительству нашего отечества. Этим учением указано высшее назначение государственного общежития – в служении его делу Божию на земле, делу спасения людей для вечной жизни. Отсюда само собой следует, что в силу указанного высокого назначения своего христианское государство не должно допускать в своём законодательстве и в своих распоряжениях ничего несогласного с христианским нравственным учением и с христианской дисциплиной"³⁴.

Попечение государства о Церкви заключается в ограждении всех церковных учреждений, церквей и монастырей от внешних

³³ Бердников И. С. Краткий курс церковного права. 2-е изд. Казань, 1913. Т. 2. С. 829.

³⁴ Там же.

врагов государства, в доставлении Церкви необходимых прав и материальных средств для Её благополучного существования, в создании наиболее благоприятных условий для духовного развития Церковью народа, в ограждении её судом и наказанием от всех посягающих на неё внутри государства.

Ещё Преподобный Иосиф Волоцкий в своём "Просветителе" говорил об обязанности Государей гнать еретиков и наказывать за религиозные преступления. Об этом он говорит в своём 13-м слове так: "Слышите цари и князи, и разумеите, яко от Бога дана быть держава вам, яко слуги Божии есте. Сего ради поставих есть вас Бог пастыря и страха людем своим, да соблюдете стадо его от волков невредино. Вас бо Бог в себе место избрал на земли и на свой престол вознес посади, милость и живот положи у вас, и меч вышня Божия десница вручи вам. Вы же убо да не держите истину в неправде... и не давайте волю зло творящим человеком, то есть еретикам и отступникам, которые с телом и душу губят. Если же они сотворят зло, то на душу попустившаго падает грех, то есть на царя и на князя и на судей земских, аще власть дадут злотворящим человеком, о сем истязаны будут от Бога в страшный день второго пришествия Его"³⁵.

Это учение было официально признано государством и буквально изложено словами преподобного Иосифа Волоцкого в чине венчания Царя Иоанна Грозного на царство.

Долгое время русским князьям не приходилось исполнять ещё одну их обязанность – охранять чистоту правоверия. История Русской Церкви долго не давала повода к проявлению русскими Государями этой своей обязанности. Повод дала Флорентийская уния, насаждению которой в Московском государстве лично воспротивился Великий князь Василий Васильевич, заключив униатствующего митрополита Исидора в монастырь.

В допетровской Руси кроме ересей уголовному преследованию со стороны государства подвергались и преступления против веры и нравственности. Так, в Уложении Царя Алексея Михайловича к таким деяниям причислялись: идолослужение, волшебство и чародейство, ложная присяга, богохульство, церковный мятеж, приверженность к суеверным обычаям, ересь и раскол, совращение

³⁵ *Волоцкий И.* Просветитель. [Б.м.], 2006. Сл. 13.

из православной веры, святотатство, недозволенные браки, кровосмешение, непочтение детей к родителям, блуд и прелюбодеяние, изнасилование, сводничество, противоестественные пороки³⁶.

Для применения наказания характерно было изначальное прибегание к духовному врачеванию, т.е. попытка рассмотрения преступления такого рода церковным судом. Если преступник раскаивался, то на него налагалась церковная епитимия, если же нет – тогда государство брало на себя решение его дальнейшей судьбы, т.е. подвергало преступника соответствующему уголовному наказанию (характерным примером здесь может быть преследование ереси жидовствующих).

Со времени реформ Петра I патриаршее устройство русской Церкви было отменено и введено было управление через Священный Синод, по поводу которого И. С. Бердников пишет: "По существу же дела, все перемены, какие испытал Св. Синод в течение своего существования в своём внутреннем строе, влекли за собой постепенное отклонение его от канонического строя церковного управления и обезличение его с точки зрения церковной автономии"³⁷.

Послепетровские архиереи не раз обращались с просьбами восстановить каноническое управление Церковью. Так, на Предсоборном Присутствии (1906 г.) были даже выработаны конкретные положения по данному вопросу. Была предложена и более правильная редакция статей Основных Законов, имеющих отношение к Церкви. Так, статья 64 получала следующую редакцию: "Император, как православный Государь, есть верховный защитник господствующей Церкви и охранитель её благоустройства", статья же 65, такую: "В отношении Православной Церкви Самодержавная Власть действует в согласии с признанными ею всероссийским Церковным Повременным Собором, Священным Синодом и Предстоятелем Православной Русской Церкви – Патриархом"³⁸.

³⁶ См. кн.: *Попов А. В.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 122–201.

³⁷ *Бердников И. С.* Краткий курс церковного права. С. 923.

³⁸ Журналы и протоколы Предсоборного Присутствия. Т. II. С. 644–646.

Эти строго канонические и симфонические отношения, выработанные перед революцией, к сожалению, так и не были введены в практику Российской Империи. Но таковое не строго каноническое управление Церковью, ведущее своё начало со времён Петра I, отменившего патриаршество, не уничтожило в Российской державе её православной сути.

Так, по чину коронования Государь Император всегда коленопреклоненно просил у Бога: "...Да наставит Его, вразумит и управит в великом служении, яко Царя и Судию Царству Всероссийскому, и да будет с Ним приседающая Божественному престолу премудрость, и да будет сердце Его в руку Божию, во еже вся устроити к пользе врученных Ему людей и к славе Божией, да и в день суда Его не постыдно воздаст Ему слово"³⁹.

А Верховная Власть Российской Империи государственными законами подтверждала церковные установления о праздниках и причисляла к ним все воскресные дни в году, дни нарочитых церковных праздников (1, 6 января; 2 февраля; 25 марта; 9 мая; 29 июня; 6, 15 и 29 августа; 8, 14 и 26 сентября; 1, 22 октября; 21 ноября; 6, 25–27 декабря), те числа, в которые празднуются дни рождения и тезоименитства Государя и Государыни Императрицы, день тезоименитства Государя Наследника, день восшествия на престол, день коронования и те числа, в которые бывают пяток и суббота сырной недели, четверг и суббота страстной недели, пасхальная неделя вся, день Вознесения Господня и день Сошествия Св. Духа. Сверх сего судебные присутственные места свободны от заседаний с 23 декабря по 2 января. Кроме означенных дней для некоторых городов устанавливаются особые праздничные дни, освобождающие присутственные места и училища от занятий.

"Хотя, – пишет профессор И. С. Бердников, – православное духовенство и не состоит на государственной службе, тем не менее его деятельность признаётся полезной не только для Церкви, но и для общества гражданского и для государства. Некоторым религиозным обрядам и священнодействиям, совершаемым духовными лицами, придаётся юридическое значение в гражданском

³⁹ Глава 5: О священном короновании и миропомазании. Ст. 57, 58. Примечание 2 // Свод основных государственных законов Российской империи. Раздел первый. Основные государственные законы.. 1906.

общежитии. Церковная запись о рождении и крещении признаётся гражданским актом, удостоверяющим рождение от законного брака или внебрачное происхождение. Бракосочетание совершается в форме венчания брака у христиан и в соответствующей религиозной форме у иноверцев. Развод брачный также производится по суду церковному. Погребение умерших совершается в форме религиозного молитвословия при участии духовенства. Преподавание Закона Божия признаётся обязательным предметом общего образования. Правительство наше оказывает всякое вспомоществование лицам, посылаемым церковною властью проповедывать Слово Божие иноверцам. Полиция помогает духовной власти в отправлении правосудия исполнением тех же поручений, какие возлагаются на нее отправлением правосудия светского⁴⁰.

При Петре I преступления против веры и нравственности были разделены между духовным и уголовным судопроизводством. Дела о богохульстве, еретичестве, раскольничестве, волшебстве, суевериях, правильных браках, разводах и прелюбодеянии оставались в ведении суда церковного, а дела о изнасилованиях, кровосмешении, неестественных пороках ведались уголовным судом⁴¹.

На практике же такое разграничение всё же часто не соблюдалось, и судопроизводство по одному и тому же делу производилось как церковным, так и гражданским судом (в делах о раскольниках, о неисполняющих ежегодной исповеди и т.д.). Хотя, конечно, отношение государства к подобным преступникам существенно изменилось, их уже не считали грешниками, а лишь нарушителями общественного порядка. В воинских артикулах Петра I, есть даже такое несообразное установление, что "церковное покаяние назначается судом светским".

В дальнейшем особую роль сыграло Уголовное уложение 1903 г., дополняемое после 1905 г. законами о свободе совести. Уголовное уложение пошло ещё далее по секулярному европейскому пути, всё менее оказывая поддержку Православной вере и всё более разрешая проповедь инославия и иноверия и даже не наказывая за совращения в них православных.

⁴⁰ Бердников И. С. Краткий курс церковного права. С. 958.

⁴¹ См. кн.: Попов А. В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 202–203, 355–361.

При всех этих "свободосовестливых" нововведениях законы Российской Империи всё же ещё утверждали господствующее положение в Империи Православной веры⁴².

Основными Законами Российской Империи положительно заявлялось, что Император Всероссийский не может исповедовать не Православную веру⁴³. И потому государство всё время обращается к Церкви за молитвенным освящением, прежде всего в чине коронования Государя Императора⁴⁴. Календарь гражданский определяется календарём Православной Церкви.

Православная Церковь пользовалась большим, чем прочие исповедания правом публичного отправления богослужения. Только Православная Церковь имела право убеждать инославных и иноверных к переходу в Православие⁴⁵, чему никто не мог препятствовать⁴⁶. На остальных же накладывалось ограничение в этом вопро-се и даже уголовное наказание⁴⁷.

Не допускалось и соращение православных через брак с неправославными, последние в таком случае давали подписку, что не будут соращать православного супруга в свою веру, а детей будут крестить и воспитывать в Православной вере⁴⁸. Законную силу такой брак получал только если он был совершён православным священником по православному чину⁴⁹.

Иноверные и инославные исповедания в Законах Российской Империи назывались лишь терпимыми государством⁵⁰. К числу видов соращений из Православной веры в законах были поименованы следующие: публичная проповедь, речь или прочтение

⁴² Глава 7: О вере. Ст. 62 // Свод основных государственных законов Российской империи. Раздел первый. Основные государственные законы. 1906; Уставы духовных дел иностранных исповеданий. 1906. Ст. 1.

⁴³ Глава 7: О вере. Ст. 63 // Там же.

⁴⁴ Глава 5: О священном короновании и миропомазании. Ст. 57, 58. Примечание 2..

⁴⁵ Уставы духовных дел иностранных исповеданий. 1906. Ст. 4.

⁴⁶ Уставы духовных дел иностранных исповеданий. 1906. Ст. 4, 5; Уложение о наказаниях. 1885. Ст. 184.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. I. По продолжению 1906. Ст. 67. СПб., 1906.

⁴⁹ Там же. Ст. 72–74.

⁵⁰ Уставы духовных дел иностранных исповеданий. 1906. Ст. 6–8.

сочинения, распространения сочинений или изображений, побуждающих к переходу в другие вероисповедания или веры⁵¹.

Переход из христианского исповедания в нехристианское был запрещаем и уголовно наказуем⁵².

Далее нельзя не отметить, что субъективизм в религиозных вопросах в законодательстве Российской Империи был допускаем только настолько, чтобы он никаким образом не ущемлял права господствующей, государственной веры – православной.

Как писал один российский обер-прокурор: "По Основным Законам Российской Империи она [*Россия* – **Прим. авт.**] есть государство конфессиональное и толерантное, в котором присвоется свобода веры всем российским подданным и в котором все веры распределяются по степени их совершенства с точки зрения единой истинной Православной Церкви. Из согласования принципа господствующей веры с принципом веротерпимости и образуется вероисповедная система, принятая нашим государственным строем"⁵³.

* *
*

Произошедшая в XX столетии атеизация советского государства не положила непреодолимой преграды в России в отношениях между церковным и государственным институтами. Умирание коммунистической идеологии, а вслед за ней неудача возрождения либерального "феврализма" (в 90-е гг. прошлого века) ставит в полный рост задачу возвращения к традиционным взаимнеобходимым отношениям этих важнейших общественных институтов.

Формально юридическое отделение Церкви от государства никогда не отделяло Православия от русской истории, от веками сложившегося психологического и нравственного стереотипа национального поведения. Советское "отделение" Церкви от государства было кровавым религиозным гонением большинства населения СССР, приведшим государство как институт к гражданской войне с другими общественными институтами русского общества.

⁵¹ Уголовное уложение. 1903. Ст. 90. СПб., 1903.

⁵² Уложение о наказаниях. 1885. Ст. 184–186. СПб., 1885.

⁵³ Цит. по: *Бердников И. С.* Краткий курс церковного права. С. 1412.

Только такое величайшее испытание, как Отечественная война 1941–1945 гг. несколько отрезвили советское руководство, и оно из сугубо практических соображений дало передышку Церкви для того, чтобы та смогла стать мощным помощником (идеологическим, нравственным, да и материальным) государства в борьбе с внешним врагом.

Современное тяжёлое положение российского общества, во многом потерявшего нравственные и мировоззренческие ориентиры, ригористски требует восстановления исторических взаимоотношений двух важнейших институтов нашего национального мира. Без здорового государственно-церковного мира мы не можем надеяться на самостоятельное выправление института государства как защитника слабого от сильного, бедного от богатого, поборника социальной справедливости, защитника национальных интересов и охранителя самой человеческой жизни в спокойствии, безопасности и духовной полноте.

Смолин Михаил Борисович

**Взаимоотношения государства и Церкви:
церковно-правовой взгляд**

Сдано в набор 23.10.2011. Подписано в печать 05.12.2011.

Формат 62x94/16. Бумага офисная. Гарнитура MinionPro.

Печать на ризографе. Уч.-изд. л. 1,35. Физ. печ. л. 7.

Тираж 250 экз. Заказ № 21/11.

Оригинал-макет подготовлен ФГНБУ "Российский институт стратегических исследований" (РИСИ).

Отпечатано в типографии РИСИ.